

Вадим ТИМОШИН
ЖИВУЩИЕ
СРЕДИ НАС

16+

@ЭЛИТА

Вадим Тимошин
Живущие среди нас (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Тимошин В.

Живущие среди нас (сборник) / В. Тимошин — Электронное издательство "Аэлита", 2015

Рассказы сборника «Живущие среди нас», являющегося дебютным у автора, написаны в разных жанрах и стилистически различны. «Погреб дядюшки Беллера» ближе к мистическим новеллам начала прошлого века. Это произведение повествует о молодом человеке, оказавшимся не в то время и не в том месте, и ставшим раскрывшим страшную тайну, хранимую его родом. Произведения «Вечерняя гостья», «Живущие среди нас» и «Мечь из пустоты» пропитаны «рыбным духом» Г. Ф. Лавкрафта и описывают события, происходящие спустя некоторое время после финала его повести «Тень над Инсмутом». «Вечерняя гостья» – юный ассистент профессора Гамильтона, не на шутку увлекшегося изучением таинственных культов, знакомится в библиотеке с девушкой, не предполагая, чем обернётся для него это знакомство. «Живущие среди нас» – преуспевающий адвокат Джеймс Тернер, будучи душеприказчиком безвременно скончавшегося хозяина лодочной станции, прибывает в портовый городок Соулберри в штате Мэн и тут же попадает в водоворот загадочных и пугающих событий, берущих начало в Инсмуте. «Мечь из пустоты» – агент Бюро Расследований Клаус Рихтер получает своё первое настоящее задание – найти и уничтожить сердце зловещего культа в городке Соулберри. Но Рихтер еще не ведает, что ввязывается в войну, начатую в глубокой древности на далёких звёздах. Рассказ «Фактор Отчаяния» можно отнести к социальной фантастике. Это динамичное произведение посвящено пробуждению в недрах земной коры древних существ, в один миг превративших Россию в руины. Но никакое зло не устоит перед силой истинного мужества. Рассказы «Рука, стреляющая в колыбель» и «Свинцовое прощание» представляют собой «футуристический нуар». «Рука, стреляющая в колыбель» – после трагической смерти жены Майк Гомес поклялся посвятить свою жизнь отмщению выходцам криминального мира, не считающимся с человеческими жизнями. Он шел, оставляя за собой кровавый след. Но, взявшись за дело Николь Вэнс, он и его напарник попали в жуткий клубок интриг, из которого

не помогут выпутаться пули.«Свинцовое прощание» – У Майка Гомеса новое дело – убит известный адвокат, а наниматель героя – Карл Бенедикт, отец покойной супруги Майка. Стиснув зубы, детектив-мститель начинает своё расследование и приходит к неожиданным выводам.

© Тимошин В., 2015

© Электронное издательство

"Аэлита", 2015

Содержание

Погреб дядюшки Беллера	7
Вечерняя гостья	9
Живущие среди нас	12
Мечь из пустоты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вадим Тимошин

Живущие среди нас

© ЭИ «@элита» 2015

Погреб дядюшки Беллера

Находясь в здравом уме и трезвой памяти, я пишу сии строки в преддверии своей казни не с тем, чтобы заслужить снисхождение Всевышнего. Не с тем, чтобы читающий устранился. Мой разум не желает принимать события той злополучной ночи за явь и цепляется за тонкие соломинки надежды на то, что виденное и совершённое мной было лишь кошмаром, рождённым моим больным сознанием.

Дядюшку Беллера я знал с младых лет, с тех самых пор, как стал выше ржи, растущей на полях рядом с домом моего покойного отца (мне следует сказать, что я рано покинул его, ибо в возрасте восьми лет матушка отдала меня в обучение торговому делу в город). Уроженец Нового Света, он был истинным англичанином в своих манерах, столь же чопорным и несколько нелюдимым. Однако же холодная скорлупа, скрывавшая его душу от посторонних, в одно мгновение трескалась, едва мать приводила меня в дни каникул в дом дядюшки, уединённо стоявшим на вершине холма. Жил он недалеко, в нескольких милях от нас. Супруга дядюшки Беллера отдала душу Господу ещё до моего рождения, и с тех пор ни одна женщина, кроме моей матери, не переступала порог его жилища, и оттого царил в нём дух одиночества, чей силуэт изредка появлялся в завесе стоявшей в доме пыли. «Питер, мой мальчик, у тебя талант прогонять призраков» – с улыбкой говорилось мне всякий раз, когда мы втроём пили чай в беседке. Но сколь бы радостным для дядюшки ни были мои визиты, он никогда не принимал нас в дни полнолуния, ссылаясь на неважное здоровье. Врач, несколько раз навещавший его, уверил нас в том, что всему виной сосуды и скверная погода в наших местах.

Месяц назад моя милая матушка покинула бранный мир, оставив меня наедине с весьма внушительным списком долгов нашего фамильного предприятия. Я стал единственным владельцем «Сэвидж и сын» с весьма реальной перспективой банкротства. На похоронах дядюшка подошёл ко мне и предложил решить мою деликатную проблему, ибо недостатка в серебряных долларах не испытывал. Тогда я отказался, решив, что просить милостыню у родных слишком низко и не подобает Питеру Сэвиджу, человеку, чьё доброе имя ещё не успели вывалить в грязь. По прошествии же недели, вынуждаемый чересчур навязчивыми господами, желавшими вернуть в свой карман то, что некогда из него вынимали, я всё же решил прибегнуть к помощи дядюшки. Не имея времени на то, чтобы воспользоваться телеграфом и сообщить о своём приезде, я отправился на вокзал и купил билет. До Солтвилля, где мне пришлось оставить своё светлое прошлое и всё то тепло, которым оно меня наполняло, чтобы вымалывать у банков ссуды, на погашение унаследованных мной долгов.

К тому времени, как моя нога ступила на крыльцо дядюшкиного дома, в небе уже светила полная Луна неестественно жёлтого цвета. Я вспомнил о негласном правиле не посещать сию обитель в полнолуние, и, будь моё положение более завидным, я бы тотчас ушёл. Но судебные приставы, навестившие меня накануне, уверили меня во всей серьёзности намерений некоторых уважаемых людей пустить «Сэвидж и сын» с молотка, и, да простят меня мои отец и мать, я позвонил в дверь. Гулкое эхо звонка прокатилось по дому, сорвав тонкую пелену сна с его век. Дядюшка не вышел. Я повторил своё, как мне тогда казалось, недостойное действие по крайней мере два раза, но результат остался тем же.

Нечаянно толкнув дверь, я с удивлением нашёл, что она не заперта, хотя обыкновенно дядюшка с какой-то непонятной мне одержимостью отгораживал себя от мира тяжёлыми замками. Совладав с собой, я вошёл в заполненный густым мраком дом. Старый дощатый пол скрипел под ногами, и скрип этот более походил на приглушённый стон издыхающей собаки. По спине пробежал холодок, мне страшно захотелось вернуться, но, как я уже говорил ранее, возвращаться было некуда. Я шёл вперёд, в душе надеясь, что сейчас дядюшка Беллер проснётся, зажжёт свет и радостно крикнет «Здравствуй, Питер», прогоняя прочь зловещее

молчание. Но, поднявшись в спальню, я обнаружил, что кровать дядюшки пустовала. Никогда ранее я не видел, чтобы он бодрствовал в столь поздний час. Где-то глубоко внутри меня тоненький голосок пропихал «Уходи!», но я его не послушал. И теперь горько о том сожалею. Выбирая из писка перепуганного разума и послышавшегося вдруг стука снизу, по всей видимости, из погреба, я предпочёл по своей непроходимой глупости последний.

Спустившись вниз и отворив тяжёлую крышку погреба, я ужаснулся: среди редких бочек со снедью лежал кусок окровавленного мяса, в который вгрызлся клыками, брызгая во все стороны слюной... Я не мог ошибиться, это был огромный волк! Страх и удивление накрыли меня сильнейшей волной, заставляя усомниться в увиденном, ибо в Солтвилле волков не было, сколько я себя помнил, а уж тем более мне не верилось, что дядюшка держал одного в погребе. Тем временем, учуяв меня, волк повернулся в мою сторону и хищно сверкнул глазами. Он приготовился к прыжку, сжигаемый жаждой моей крови. Страх заставил меня достать серебряный револьвер, что был единственной памятью о моём отце, сохранившейся до сего дня. Я держал его всегда в идеальном состоянии, но никогда ранее не стрелял из него, ибо серебряные же пули, коими заполнил барабан отец, считал непростительной роскошью и берёг от бойка, точно родных детей. Я взвёл курок и выстрелил. Волк издал протяжный вой и рухнул на пол.

Заперев подвал, я ещё раз обыскал дом, но, так и не найдя дядюшку, решил подождать до утра и сходить в полицию, дабы заявить о его пропаже. Однако полиция опередила мои намерения. Едва рассвело, двое полицейских вошли в дом и предложили мне отдать им оружие и пройти с ними. Очевидно, выстрел, так хорошо слышимый в ночной тиши, насторожил жителей деревеньки, и они вызвали представителей закона в сию мрачную обитель. Я пытался объяснить им, что мой дядюшка Беллер безвестно пропал, и с тем я сам намеревался их посетить. Рассказал о волке, о том, что я стрелял в него, и в доказательство открыл погреб, чем и обеспечил себе приговор. Милая моя матушка! Сейчас, пред лицом самой смерти, пред нашей скорой встречей, я прошу у тебя лишь одного – прости меня за то, что я сотворил той ночью.

Ибо на полу погреба лежал труп моего дядюшки Беллера!

Вечерняя гостья

Как вы не можете понять? Она была чудовищем! Я имел несчастье узнать это вчера, когда вся эта история подошла к своему трагичному финалу. В тот самый миг я понял, почему она постоянно носила одежду, скрывавшую её с головы до ног, почему не снимала перчаток даже в самые тёплые дни этой злосчастной осени.

Но начну сначала. Я встретил её около месяца назад, когда судьба привела меня в Аркхэм безропотным помощником профессора Гамильтона, свернувшего в своих исканиях на самую чёрную из троп, которыми шла человеческая история к сегодняшнему дню. Имея степень доктора и уважение в определённых кругах, профессор искренне верил «Некрономикону» безумного араба Альхазреда и «Безымянным культам» фон Юнтца, что мне казалось недостойным столь светлого ума. Кое-кто в Мискатоникском университете поговаривал, что профессору удалось найти несколько подтверждений полному, на мой скромный взгляд, бреду Альхазреда, что в одной из своих частых поездок ему посчастливилось найти свидетельства существования некоторых описанных фон Юнтцем культов, но мой молодой разум отказывался это принимать. Затеянный профессором Гамильтоном научный труд, названный «Тёмные уголки Земли. Зловещие тайны истории», коим он намерился удивить учёный мир, мне казался чудовищного масштаба мистификацией, ибо, по меньшей мере, странно основывать серьёзное исследование на нелепых мифах. Имея молодую кровь, бунтующую против всего на свете, я мало интересовался содержанием его труда, знал лишь о том, что профессора серьёзно увлекли события, якобы происходившие в Инсмуте до того, как в 1927–1928 годах федеральное правительство провело, как оно изволило выразиться «чистку» города, в попытке вытравить из его вен ядовитую кровь семейства Маршей. И уж совсем нелепым казалось мне расходовать грант на поиски племени человекоподобных амфибий, с которых в Инсмуте все бы и началось, если бы происходило на самом деле.

В тот день, когда мои глаза встретились с её глазами (точно так, как описывают авторы бульварных романов), она сидела в библиотеке университета, где я после скудного завтрака конспектировал для профессора некоторые главы «Великих Старейшин», очередного преисполненного бредом опуса за авторством, на этот раз, цивилизованного европейца. Филипп Дефоссе, из-под чьего пера вышли эти пять сотен страниц совершенного безумия, окончил свои дни в психиатрической лечебнице, и содержание книги, по моему мнению, не давало ни на секунду усомниться в диагнозе, поставленном ему докторами. Немыслимое космическое Зло, коим автор видел тех существ, что назывались Великими Старейшинами, вели нескончаемую войну между собой, и были беспощадны к тем, кто становился её невольным зрителем, задолго до начала человеческой эры. С наступлением же её, Старейшины затаились в ожидании того дня, когда они вновь смогут стать властителями нашей планеты, в чём им помогут предатели человеческой расы, служители зловещих культов, в угоду своим божествам постепенно теряющие человеческий облик. Тогда я и прочитал о людях-жабах, представлявших культ Дагона, жуткой морской твари. Сюжет, достойный последней страницы в каком-нибудь грошовом журнале, преподносился Дефоссе со всей серьёзностью, на которую только способны люди, чью кровь нещадно жжёт огонь исследовательского духа. И профессор Гамильтон, к моему величайшему удивлению, назвал книгу очень ценной, хотя я бы сказал, что самое ценное в ней – твёрдая обложка за три серебряных доллара.

Она заметила мой взгляд, встала и демонстративно прошла взад-вперёд, имея целью привлечь моё внимание. Затем села рядом и тихонько спросила, что за книгу я переписываю и зачем. Будучи молодым человеком весьма приятной наружности, я был привычен к лёгким победам над глупой женской натурой, однако же поведение незнакомки тогда меня несколько смутило, ибо мне всегда казалось, что те девушки, которые находят интерес в посещении биб-

лиотек, обыкновенно не набираются смелости для того, чтобы флиртовать с незнакомцем. Я ответил, что занимаюсь изучением сумасшествия отдельно взятого господина во имя науки, и услышал странный смешок, более похожий на кваканье лягушки. Если бы не оный смех, необычный голос и странная манера одеваться, я бы посчитал незнакомку заурядной девицей и наши пути тут же бы разошлись. Но человеческая природа такова, что нас влечёт неведомое, странное, и даже омерзительное, чему ни один учёный муж до сих пор не смог дать объяснения. И я предложил ей, если она желает, приходить и помогать мне в моей незамысловатой работе. Желает, ответила она, и на следующий день мы выслушивали нелепицу, что нёс Дефоссе со страниц своей книги, уже втроём. Профессор, тем временем, снова отбыл в непродолжительное путешествие, оставив лишь заглавия книг, которые я должен был изучить и в краткой форме изложить на бумаге к его возвращению. Для меня до сих пор оставался загадкой смысл моего занятия. То, что я записывал, по сути своей было чистой выдумкой, хотя мой уважаемый наставник считал это фактами. Конечно, если считать таковыми названия мест, даты, и только этим и руководствоваться в своём решении, цель исканий будет не такой уж туманной. Но разум мой, подобно злобному псу у врат, не желал пускать в мир разложенной по полочкам истории вымысел безумцев, возомнивших себя пророками.

Анна, так звали мою новую знакомую, помогала мне выбирать из пёстрой мозаики большого сознания авторов то, что было нужно профессору Гамильтону. Мы очень быстро подружились, много говорили об истории, о том, как замечательно, что человеку дано свойство помнить, а ещё лучше, что помнит он избирательно, стирая со страниц прошлого ужасные вещи. Её общество было мне необычайно приятно, несмотря на то, что было в её облике что-то, да простит меня Всевышний, лягушачье. Широкий рот, глаза немного навывкате. Если бы тогда я мог предположить, насколько верным было моё сравнение! Но тихие всхлипы внутреннего голоса заглушала моя горячность и совершенно непонятное влечение к моей новой знакомой.

Профессор узнал об Анне тотчас, как вернулся в свой дом, в котором я за неимением серьёзных средств снимал комнату. «Чарли, – сказал он, просмотрев мои записи, – у тебя появился второй почерк? Это полезное умение в нашем теперешнем деле, ибо те потаённые уголки человеческой истории, куда я имел неосторожность ступить, могут иметь для нас с тобой страшные последствия». Я рассказал профессору о моей новой помощнице и спросил его, о каких последствиях он говорит, неужели он боится каких-то вымышленных богов? На что мой наставник отвечал: «Не всякая легенда – вымысел, мой мальчик. Те культы, о которых писал фон Юнтц... По меньшей мере, один из них, имеет место быть, и существует по сей день. В моей последней поездке мне довелось посетить Инсмут и то, что осталось от церкви Ордена Дагона. Я расспросил некоторых жителей об Ордене и утвердился в своём мнении о том, что оный жив, как и его служители. Но те немногие из моих собеседников, что всё же решились ответить мне, предостерегли меня от дальнейших поисков, ибо Орден не любит являть своё лицо миру, и к тем, кто о нём говорит вслух, в самых жутких своих обликах является смерть. Поэтому, Чарли, заклинаю тебя от новых знакомств теперь, когда моя проклятая увлечённость поставила твою и мою жизни под угрозу.»

Как же я хочу вернуться в тот день и сказать тогдашнему себе о том, каким глупцом я был, не услышав того, что хотел сказать профессор, от чего он хотел меня предостеречь. И когда Анна спросила, сможет ли удостоиться чести познакомиться с моим именитым наставником, я в безрассудстве своём ответил, что да, может, и пригласил её на ужин в дом, который более никогда не оживёт.

Я не знаю, какими словами описать реакцию профессора на её появление в сей тихой обители. Если и есть чувство сильнее ужаса в несколько раз, то лицо моего наставника выражало именно это чувство. «Ты привёл её, – дрожащим голосом проговорил он, – Зачем? Чарли, мой мальчик, что ты наделал?» Поначалу я не понял его страха, но мгновение спустя, когда мой взгляд вернулся к Анне, меня тоже взяла оторопь. Оторопь, парализовавшая мои члены,

сделавшая ватным каждый мускул моего тела. Я даже не мог закрыть глаза, чтобы не видеть, как моя спутница умертвила профессора. Чтобы не видеть омерзительное тело амфибии, так тщательно скрываемое Анной под одеждой и обнажённое теперь, для того, думается мне, чтобы обездвигить нас с профессором ядом ужаса и расправиться с нашими немощными телами.

Я не знаю, почему Анна оставила в живых меня. Наверное, потому, что знала, что все подозрения падут на меня. Что я окажусь здесь, перед вами, а вы не поверите ни единому моему слову.

Что через две-три недели, после короткого суда, мне вынесут приговор и казнят, и никто так и не узнает правды о том, что искал и, вероятно, нашёл покойный профессор Роберт Гамильтон.

Живущие среди нас

3 августа 1932 года вечерним поездом я прибыл в городок Соулберри, что юго-восточной оконечности штата Мэн, по долгу своей скромной службы. Будучи душеприказчиком Эдварда Мостоу, хозяина лодочной станции, услугами которой пользовались влюблённые пары и рыбаки, не имевшие достаточно долларовых монет для найма более подходящего для своего ремесла судна в порту Уотермесс, я имел своей целью сообщить единственному сыну Мостоу Ричарду о воле его покойного родителя. Надо сказать, с этим задорным молодым человеком я поддерживал приятельские отношения ещё со времён нашей с ним учёбы в университете, и для меня было великой радостью увидеть его вновь, пусть даже по столь трагичному поводу.

Сам городок подобных чувств во мне не вызывал совсем. Серая пелена тумана, стелившаяся вдоль узких улочек, вымощенных грубым булыжником, внушала уныние в сердца редких приезжих. Наряду с этим унынием, всякий приезжий не мог отделаться от чувства, что в этом мрачном уголке обитаемого мира время прекратило свой ход. Виной тому, думается, было некое зловещее безветрие, столь не свойственное портовым городкам, и то, что в Соулберри автомобили до сих не пришли на смену конным экипажам. В довершение всему, здесь постоянно стоял невыносимо омерзительный запах рыбы, густой настолько, что сквозь него было трудно идти к гостинице, одиноко ссутулившейся на центральной и площади городка. Я намеревался прежде посетить Ричарда, но, взглянув на часы, решил отложить это предприятие до утра, предварив дела несколькими часами сна.

Войдя в холл гостиницы, я утвердился в своём мнении о том, что Соулберри – пожелтевшая страница прошлого, которую время не сожгло из жалости. Обветшалое снаружи, здание изнутри более всего походило на склеп, в котором дремала жизнь, некогда бежавшая по жилам городка. Я испытал некоторое смятение при этой мысли, ибо ночлег в местах упокоения безрадостен любому смертному. К тому же, сидевший за невысокой стойкой портье, в силу своей неестественно бледной кожи, покрытой чем-то наподобие отвратительных язв, мало отличался от мертвеца.

– Прибыли поездом, мистер?.. – произнёс он странно вибрирующим голосом и сделал паузу, ожидая, что её наполнит собой моё имя, как морская вода наполняет нишу в камне.

– Тернер, – ответил я. – Джеймс Тернер. Да, я приехал поездом. Могу я снять номер?

– Надолго приехали? – собеседник проигнорировал мой вопрос, и его любопытство начало меня несколько раздражать.

Я никогда не испытывал тяги к беседам с незнакомцами, особенно о том, что касалось моей работы, и потому постарался как можно более вежливо объяснить портье, что устал с дороги и не расположен к навязчивым разговорам. И если он будет столь любезен сдать мне номер до завтрашнего вечера, я буду ему премного благодарен.

– Пятнадцать девяносто, – сухо ответил мой собеседник, обиженный, по всей видимости, моей отповедью, и протянул мне ржавый ключ с трёхдюймовым деревянным брелоком с выжженным на нём числом, означавшим номер комнаты. Я вынул из бумажника двадцатку и вручил её портье, сказав, что сдачу он может оставить себе в качестве компенсации того, что я расстроил его любознательную натуру.

Незамысловатое, казалось бы, действие, всё же не обошлось без крупницы странного, и даже, будь я более к тому расположен, пугающего. Когда я брал ключ со стойки, мой взгляд упал на лежащую рядом руку портье. Будь я проклят, если это не галлюцинация, вызванная чрезмерной усталостью после долгой дороги, но я увидел некое подобие перепонки между его пальцами. Я невольно вздрогнул от омерзения, но портье, к счастью, этого не заметил. Поднявшись же по лестнице, я услышал поистине зловещее бульканье из-за одной из дверей на этаже, как позднее выяснилось, из номера, соседнего с моим. Проклиная встрепенувшееся где-

то внутри меня любопытство, я подошёл к двери и прислушался. Звук походил на тот, что вы издаёте в ванной в дни простуды, когда доктор настоятельно рекомендует вам полоскать своё горло. Похоже, кто-то в номере последовал совету своего доктора, и занимался полосканием даже слишком усердно – я заметил небольшую лужу под дверью номера. Пришедшее в голову объяснение умирило дикую кошку любопытства парами обыденности, и я открыл дверь в свою комнату.

Не раздеваясь, я лёг на узкую шаткую кровать, что была едва ли не старше гостиницы, но все ещё могла выдержать человека среднего телосложения, к коим я себя причислял не без удовольствия, ибо для человека не может быть ничего лучше неприметной внешности. Бульканье моего незримого соседа, как мне показалось, стало громче, и как я ни силился отдать свой разум в нежные руки Морфея, мне это не удавалось. Высказав пожелание самой мучительной из смертей тому лекарю, который придумал полоскать горло, я встал с кровати и вознамерился немного пройтись по городку, несмотря на усталость. Говоря по чести, я намеревался принести в жертву божеству сновидений некоторое количество скотча, дабы вызвать его благосклонность. Несмотря на железную руку сухого закона, ценители крепких напитков никуда не исчезли, и я, к моему великому стыду, унаследовал от своего отца привычку посещать спикизи не реже двух раз в неделю. Портье наверняка знал о таких местах, и потому я спросил его, спустившись в холл, не посоветует ли он мне местечко, где можно согреться изнутри. Тот понял мой намёк и, слегка улыбнувшись своим невероятно широким ртом, ответил:

– Выходите из гостиницы, поворачивайте налево и идите до статуи, – он махнул рукой, и я вздрогнул от омерзения, снова увидев перепонки меж его пальцев. Нет, это не было галлюцинацией, теперь я отдавал себе в этом отчёт. Может, какая-то малоизвестная болезнь? – Глаза статуи будут смотреть на небольшой подвальчик, там то, что вы ищете, мистер Тернер. Приятного вечера.

– Спасибо, – кивнул я и вышел из гостиницы в мир необыкновенной сырости и серости, сквозь который мне предстояло пройти к вождленному миру табачного дыма и лёгкого опьянения. На улице было практически безлюдно, что обыкновенно в столь поздний час, однако несколько прохожих странно ковыляли, точно их ноги не были предназначены для твёрдой земли, к небольшой церквушке в нескольких десятках ярдов передо мной. Я подумал, что для вечерней службы несколько поздно, но, впрочем, не мне судить, кому, что и когда в этом городке делать. Я направился туда, куда сказал портье, и очень скоро вышел на небольшую площадь – в местах, откуда я родом, такого размера принято делать дворики у дома – посреди которой возвышалась каменная статуя в три человеческих роста. Она изображала совершенно немыслимое чудовище, в роду которого, если верить Дарвину, вместо какого-то примата в одном из звеньев была рыба. Собственно, на неё чудовище более всего и походило, если не брать во внимание то, что оно имело мускулистые руки, похожие на человеческие, и, возможно, ноги. Причина моих сомнений кроется в позе, в которой это создание было высечено в камне. Нижние конечности лежали таким образом, что неясно было, хвост это или сведённые вместе ноги с плавниками вместо ступней. Надпись внизу, на постаменте, державшем на себе чудовище, гласила «Отец Дагон, хранитель сего города». Прочитав это, я понял, что передо мной некое жуткое божество, которому поклонялись – а может, и до сих пор поклоняются – жители города, и почувствовал, как чёрный лёд ужаса заставляет мою кровь замедлять ток. Воистину, страшен любой человек, слепо служащий своему божеству, ибо никто не сможет сказать, что он способен совершить ради этой веры. А что могут сделать те, кто поклоняются такому чудовищу?

С большим усилием совладав с собой, я разглядел подвал, где, по словам портье, находилось интересовавшее меня заведение, он был буквально в нескольких шагах от ужасной статуи. Я толкнул дверь спикизи и поёжился от полутора десятка подозрительных взглядов, метнувшихся в мою сторону. Посетители подобных мест зачастую знали друг друга в лицо и более

всего опасались полицейской облавы, что могла последовать за визитом незнакомца вроде меня. Я закрыл за собой дверь, помотал головой в попытке сказать уже подвыпившей публике, что пришёл лишь с тем, чтобы присоединиться к ним, и, похоже, был понят правильно.

Меня оставили в покое, позволив сесть за одним из свободных столиков и лучше разглядеть здешнюю обстановку. В спикизи находилось с дюжину человек, если не считать меня и хозяина за стойкой. Хозяин столь удачно подобрал освещение заведения, что при взгляде с любого, как мне показалось, угла, сей хитрец являл собой тёмный силуэт. Решение это, как мне думается, не в последнюю очередь имело причиной страх перед полицией, ибо в таком маленьком городке наверняка несложно разыскать человека, запомнив его лицо. Сизоватая пелена дыма дешёвых сигарет, запах которых вызывал желание расстаться с остатками ужина, делала этот грешный мирок несколько далёким от реальности, от которой убегал всякий сюда входивший.

Я посидел некоторое время за столиком, после чего понял, что хозяин не держит официантов, и заказ нужно говорить ему лично, равно как и забирать его со стойки. Я подошёл к силуэту, даже вблизи не ставшему чётче, и коротко, но чётко сказал:

– Три «скотча».

Силуэт кивнул, и спустя несколько мгновений на стойке появились три порции лучшего для меня снотворного. Аккуратно взяв их двумя руками, я вернулся к своему столику, и к большому удивлению обнаружил сидящего за ним незнакомца в чёрном костюме и перчатках из тонкой кожи. Я хотел было выбрать другой свободный столик, но незнакомец жестом попросил меня сесть.

– Мистер Джеймс Тернер, верно? – спросил он, когда я расположился на жутко скрипучем стуле, пережившим, держу пари, не одно десятилетие.

– Откуда вам это известно? – удивился я, достав из кармана плаща, не нашедшего своего места на покосившейся вешалке, портсигар.

– В Соулберри приезжает не так много людей, если не считать рыбаков, что возвращаются из большого города. Вы здесь как на ладони, мой дорогой Джеймс, – с улыбкой ответил незнакомец.

– Так... чем могу быть вам полезен, мистер...? – я чиркнул длинной спичкой и с наслаждением закурил.

– Грант. Томас Грант. Я прошу вас лишь о нескольких минутах беседы, с другими здешними посетителями её у меня не получается, – Грант кивнул на явно выпивших больше, чем следовало, мужчин в потрёпанной одежде.

– Должен вас разочаровать, – сказал я. – Из меня тоже неважный собеседник.

– Но ведь слушать вы умеете? Умеете, по роду своих занятий, почти наверняка. Вы ведь слушаете мертвецов? – мой собеседник внезапно перешёл на какой-то зловещий шёпот.

– Не мертвецов, а умирающих, – поправил я с некоторым недовольством в голосе. – Да, я в основном занимаюсь тем, что, говоря образно, выслушиваю волю отходящих в мир иной, а затем озвучиваю её родственникам усопшего. Вы заинтересованы в моих услугах?

– В некотором роде, – кивнул Грант и продолжил все тем же зловещим шёпотом. – Если хотите, я сам в скором времени мертвец, и я хочу, чтобы вы выполнили мою последнюю волю. О том, что ваши услуги будут оплачены надлежащим образом, можете не сомневаться. Передайте это агенту Клаусу Рихтеру из Бюро Расследований в Аркхэме, – он протянул мне небольшой блокнот с обложкой из тёмно-коричневой кожи. – Вы ведь оттуда?

– Я не буду спрашивать, как Вы узнали об этом, но Вы правы, – ответил я, взяв блокнот. – Что здесь?

– Записи, которые я делал в ходе моего расследования трагической смерти Эдварда Мостоу. Грант встал из-за столика и тихо, едва шевеля губами, произнёс:

– За сим я должен вас покинуть, мистер Тернер. Ни в коем случае не следуйте за мной, никто кроме этих несчастных рабов Диониса не должен видеть нас вместе, – и он спешным шагом направился к стойке, что было несколько неожиданно, ибо выход был в другой стороне. Но тотчас я понял смысл сего действия. Грант что-то сказал расплывчатому силуэту хозяина спикизи, после чего тот жестом попросил пройти его за стойку, и, когда мой собеседник скрылся в едва различимом проёме, последовал за ним. Очевидно, Грант боялся выходить через главный вход, думая, что его могут поджидать там его преследователи, вполне возможно выдуманные им самим. Он решил воспользоваться чёрным ходом, что был неизменным атрибутом любого подпольного заведения. Я мог лишь гадать, насколько чёрным может быть такой ход в подвале, но вскоре оставил эти мысли, вознамерившись хотя бы поверхностно ознакомиться с содержимым переданного мне блокнота.

«Расследование трагической гибели Эдварда Мостоу». Кажется, так сказал этот чудной человек. На самом деле, я не знал ничего о том, как мистер Мостоу покинул сей бранный мир, ибо никогда не испытывал интереса к подобным вещам. Но то, что на смерть отца Ричарда обратило внимание Бюро Расследований, меня подкупало, и я не мог не заглянуть в записи Гранта. Написанные неровным почерком двадцать страниц текста, перемежавшегося с редкими рисунками, по непонятной причине вселявшими ужас, заставили мою спину похолодеть на добрые тридцать Фаренгейтов. Сначала от того, что мне страшен был большой непонятной чумой разум автора этих строк. А позже, когда я лишь на мгновение представил, что Грант может оказаться прав, моё горло словно сжала огромная ледяная лапа незримого чудовища.

Тело Эдварда Мостоу было найдено в лодке. Его обнаружили его во время романтической прогулки по залитой серебряным светом луны морской глади Тревор Шекли и его возлюбленная Шэрон. Шэрон не пережила увиденного, ибо получила в наследство от своей матери слабое сердце. Шекли оказался в психиатрической лечебнице – его разум не смог вынести ужаса, что вонзился в него острыми когтями при виде того, что стало с мистером Мостоу. Из тела несчастного были каким-то образом извлечены все кости, притом, что в момент встречи с Тревором и Шэрон, он был ещё жив и скончался лишь по пути в клинику. Я находил это крайне сомнительным, так как, даже будучи исключительно далёким от медицины человеком, понимал, что извлечь у человека, скажем, череп, не переведя его через реку мёртвых, невозможно. Впрочем, Грант тоже не мог объяснить, кто и как мог сотворить такое.

Далее мой таинственный собеседник приводил историю печально известного города Инсмут, «зачищенного» не так давно силами Федерального Правительства. По официальной версии причиной столь решительных мер была эпидемия чумы, поразившая вены Инсмута. Грант писал, что да, чума имела место, но она была много страшнее той, что описывали официальные источники, и никто до сих пор не может с уверенностью сказать, что её удалось победить.

Записи говорили о том, что в давние времена в попытке спасти Инсмут от голода Обед Марш заключил нечестивый союз с Глубоководными, жутким племенем полулюдей-полурыб, поклонявшихся своим ужасным богам, Отцу Дагону и Матери Гидре. Потомки этого союза приняли новых богов и создали в Инсмуте Орден Дагона, время от времени приносивший своему повелителю человеческие жертвы, получив взамен невероятно богатые уловы. По какой-то непонятной прихоти Дагон требовал лишь «чистой» крови. Здесь следует немного пояснить – Глубоководные наградили своих союзников жутким проклятием, изменившим их облик и передававшимся по наследству от отца к сыну. Грант говорил о перепонках между пальцами (тут я с ужасом подумал о портье гостиницы), постепенно превращающиеся в плавники конечности, из-за которых служители Ордена странно ковыляли (я вспомнил о виденных мной прохожих и покрылся холодным потом). Грант в своих записях называл их «хромоногими». Они говорили совершенно неестественными голосами, словно их рты были наполнены водой. Те же немногие, кому удалось избежать сей незавидной участи, жили в постоянном страхе оказаться

следующей жертвой кровожадному божеству. Многие уезжали из города. И тогда Орден решил кормить Дагона случайными гостями Инсмута.

Далее упоминалось о том, что жертву Дагону подготавливали особым образом. С помощью неких тёмных ритуалов из её тела вытаскивали кости, ибо, по некоторым поверьям, Дагон не имел зубов, но оставляли при этом живой (я понял, к чему клонит Грант, но просто отказывался верить в это). Затем укладывали в лодку и направляли её в море. Мой разум, шокированный столь жуткими строками, потребовал «скотча», и я с удовольствием удовлетворил его требование.

Я всё понял. Мой собеседник хотел сказать, что Орден, уничтоженный, как думало правительство, в ходе «зачистки» Инсмута, обрёл последователей здесь, в Соулберри. И эти проклятые последователи принесли Эдварда Мостоу в жертву тому, кого изображала жуткая статуя напротив спикизи. Грант умолял со страниц блокнота передать эту информацию тому, чьих сил и чьей храбрости хватит на то, чтобы ей воспользоваться. Он заклинал читающего быть осторожным и назначать встречи лишь в питейных заведениях, где вероятность встретить служителей Ордена крайне мала, ибо алкоголь иссушал и разрушал их обожавшие влагу тела.

Я закрыл блокнот и почувствовал, как страх наполняет меня, превращая в жалкое подобию живого существа, одержимое желанием оказаться как можно дальше от Соулберри и его мрачных тайн. К моему великому стыду, меня более не интересовала судьба Ричарда, и менее всего я желал искать его в этом нелепом кошмаре для того, чтобы огласить волю его растерзанного чудовищами, в пока ещё человеческом обличье, отца. Я бросился наутёк, словно трус.

Вылетев из спикизи, я сшиб с ног двух «хромоногих», по всей видимости, поджидавших меня у входа. Меня спас мой собственный страх, подаривший мне крылья, на которых я стремительно мчался прочь. Та часть моего разума, что ещё могла принимать решения, намеревалась воспользоваться лодочной станцией мистера Мостоу, взять его личную моторную лодку и, выйдя в море, достичь порта Лайонхарта, соседнего города, откуда я мог добраться до Аркхэма, уже не опасаясь за свою жизнь. Другого пути я просто не видел, ибо поезд уходил из Соулберри лишь утром, а возвращаться в гостиницу, зная о жуткой перепончатой лапе портье, мне не хотелось.

Я не помню, как нашёл лодку Эдварда Мостоу, как сумел завести её и оказаться один на один с покрывшимся рябью морем. Помню лишь адский хор похожих на бульканье голосов «хромоногих», следовавших за мной по пятам. Ужас от того, что они сделают со мной, как только поймут, придавал мне сил, и оттого я преуспел в своём замысле.

Когда я решил, что более моей жизни ничего не угрожает, о борт лодки что-то с силой ударило, и мотор, который, судя по всему, был не намного моложе меня, заглох. Я посмотрел за борт и едва не лишился рассудка от того, что увидел. В нескольких футах от меня, в маленькой шлюпке, дрейфовало то, что осталось от Томаса Гранта. Яркий лунный свет сыграл со мной злейшую шутку, позволив разглядеть это в подробностях. Язык мой присох к нёбу, а в горле, казалось, навеки застрял немой крик.

У Томаса Гранта не было костей. Похожее на омерзительное желе, его тело слегка подрагивало, а глаза... Святые угодники, его глаза двигались! Они смотрели на меня, о чём-то беззвучно умоляя. Я не смог вытерпеть этого леденящего душу зрелища и бросился заводить мотор своей лодки. Это и позволило мне дожить до сегодняшнего дня, пусть даже далее него для меня всё слишком туманно и жутко.

Едва я отплыл от шлюпки на дюжину ярдов, вода возле неё вспенилась, и я увидел его. То самое чудовище, чьё каменное изваяние не так давно привело меня в заведение, что я в глубине души проклинал теперь, когда всего три порции «скотча» и минутный разговор решили мою судьбу. Отец Дагон. Его размеры были таковы, что сердце моё на миг перестало биться. Чудовище схватило шлюпку своими руками, точно миску с кормом, и, раскрыв бездонную пасть, в один момент проглотило Гранта. Я смотрел на это, скованный ржавыми цепями ужаса, не

в силах пошевелиться. Я был готов к тому, что теперь Дагон примется за меня, но чудовище выпустило шлюпку из рук и, даже не взглянув в мою сторону, скрылось в морской пучине.

Некая высшая сила, коей я безмерно благодарен, позволила мне проделать остаток пути до Аркхэма. И сейчас, когда я пишу эти строки, я начинаю понимать, зачем я остался жить, пусть и ненадолго. Я должен рассказать об Ордене тем, кто найдёт в себе силы и смелости выступить против него. Я должен найти агента Рихтера и отдать ему блокнот Гранта, ставший его зловещим завещанием.

Мне нужно торопиться. Вчера, на седьмой день после бегства из Соулберри, я услышал голоса «хромоногих» под окном дома. Они меня выследили уже здесь, в Аркхэме. И они не оставят меня в покое. И лишь об одном я молю небеса – прожить достаточно долго, чтобы сделать то, что должен.

Но если всё же вы читаете эти строки, молитвы не помогли.

Месть из пустоты

Моё имя Клаус Рихтер. Я – агент Аркхэмского Бюро Расследований. В рассказе своём я попытаюсь изложить всё, что случилось со мной в городке под названием Соулберри, где без вести пропал мой напарник Томас Грант, с теми остатками хладнокровия, которые не смогло поглотить знание, к счастью до сей поры недоступное добродушному обывателю. И прежде всего я хочу попросить Руководство бюро, которое, в случае моей смерти, прочтёт оный первый, предоставить сей материал тому, кто продолжит моё дело в разоблачении и уничтожении Ордена Дагона, отравившего своей ядовитой кровью вот уже несколько портовых городков. Я говорю «моё» потому, что Томас никогда до конца не верил в существование, как он изволил выразиться, «детей межвидового разврата». Для него участие в этом ожившем ночном кошмаре было не более чем способом побороть скуку.

Мне бы следовало сказать несколько слов об обстоятельствах, при которых произошло моё знакомство с напарником. У меня была сокращавшая мой век, но притом весьма помогавшая в обогащении информацией о жизни Аркхэма привычка проводить свои вечера в спикизи в подвале небольшого магазинчика, стоявшего неподалёку от обветшалого пятиэтажного дома, в котором я снимал квартиру, отдавая за неё практически половину скудного жалования агента-стажёра. В один из таких вечеров я и встретил Томаса Гранта. Он пришёл в заведение около десяти, принеся вместе с собой аромат дождя, поливавшего город вот уже несколько часов. Мне всегда нравился дождь, ибо его капли разбавляли собой плотную завесу мрака, постепенно окутывавшего мою жизнь с тех самых пор, как мой отец однажды не вернулся из Инсмута, где бывал по торговым делам. Уведомление о смерти родителя пришло мне в виде короткой телеграммы в четыре слова от инсмутской полиции. Бернд Рихтер сгорел вместе с отелем, где имел неосторожность остановиться. Как утверждал следователь, причиной пожара была страсть управляющего к керосиновым лапам, которые он никак не желал заменить плодами гениальной мысли Эдисона. Так это или нет, мне теперь не узнать. Но тела отца я так и не видел. В Инсмуте мне отвечали, что от тех, кто тогда был в отеле, осталось лишь по горсти праха. Моё неверие и желание докопаться до правды встретило мощный отпор, и меня силой выдворили из города. А после 1928 года поиски стали бессмысленны, ибо Федеральное Правительством основательно поработало в Инсмуте в вопросе очистке его от чужеродной крови.

– Не жизнь, а одна сплошная тоска, – сказал Томас, сев за столик, который я вполне мог назвать «своим», потому что выбирал его каждый раз, когда посещал спикизи. Никто более не смел трогать этот столик, что стало негласным правилом заведения с тех пор, как я сломал руку одному джентльмену, совершенно не ведавшему предела упрямству. Грант заказал себе виски с содовой, что было слишком заурядным и совсем не подходило некой загадочности в его облике. Я справился с замешательством, овладевшим мной в тот момент, когда Томас бесцеремонно ворвался в маленький замкнутый мирок «моего» столика, и спросил:

– Отчего же тоска?

– Оттого, что некоторые агенты Бюро Расследований, вроде нас с тобой, (я невольно вздрогнул, ибо не привык к тому, что кто-то незнакомый показывал свою осведомлённость касательно моей скромной персоны), – вынуждены заниматься чёрт знает чем в этой дыре. А ведь наши скромные коллеги из Чикаго представили Всевышнему самого Диллинджера. Не удивляйся, добавил Томас, прочитав моё лицо, как открытую книгу, – я изучал картотеку агентов не так давно, когда искал волка в овечьей шкуре. К твоей чести, тебя уже успели туда занести, Клаус. Позволишь называть тебя так?

– Не вижу причины отказать вам в этом, мистер...

– Грант. Томас Грант, – представился мой неожиданный знакомец. – Знаешь, Клаус, у меня вызывает неудовольствие, когда коллеги обращаются друг к другу с неуместной учтивостью, поэтому давай немедленно перейдём на «ты».

– Хорошо, – кивнул я и достал из кармана своего плаща, мокрого до последней нитки, чёрный портсигар с замысловатой гравировкой. – Значит, ты считаешь, что наша работа здесь – чёрт знает что? Позволь же не согласиться с тобой. По крайней мере, мы не поступили в услужение Бюро Запрета.

– Я не думаю, что здешнее управление безумно настолько, чтобы позволить это, – улыбнулся Грант и угостился сигаретой из моего портсигара. – Ни один агент в Аркхэме до сих пор не смог порвать с Дионисом, и виной тому не пресловутая человеческая слабость, а сама жизнь, более похожая здесь на медленное погребение, – в этом самый миг грязный официант в каких-то лохмотьях поставил перед Томасом его заказ. – Выпьем же за скорейшее избавление от её бремени, мой друг! – мой знакомец поднял свой бокал и загадочно подмигнул мне.

– Твоё здоровье, Том, – кивнул я, закурив. Стаканчик с бренди стоял на моей половине столика около часа, ибо для меня он был скорее неким подобием пропуска в пугающий мир ночного Аркхэма, нежели способом утолить желание выжечь боль, снедающую меня изнутри. Эта боль и привела меня в Бюро четыре года назад, но до сих пор я не имел возможности затушить её пламень правдой о том, что случилось с моим отцом, ибо с той поры, как в Инсмуте взорвалась последняя бомба, наши мудрейшие руководители охладели к Ордену. Впрочем, смею предположить, что это произошло не без вмешательства некоторых должностных лиц.

– Слышал ли ты об Ордене Дагона, Клаус? – внезапно спросил меня Грант. От неожиданности я уронил сигарету себе на брюки, и, шипя проклятия, стал энергично стряхивать красные угольки пепла, прожигающие ткань, на пол. Наконец, мне удалось покончить с этими мелкими зловредными родственниками ифритов, зловещих духов огня, коими всё детство пугал меня мой безвременно почивший дядя, решивший принять веру сарацин. Забавно, но пламя, даже самое дикое и необузданное, никогда не вызывало во мне чувство страха, скорее наоборот – придавало некой необъяснимой бодрости духа. Едва ли я, как и кто-либо ещё в моей семье, мог объяснить такую странность, однако же, она совсем не мешала моей жизни, и потому воспринималась мною и теми, кто окружал меня, как нечто само собой разумеющееся.

– Я знаком с ним косвенно, к моему великому сожалению, – отвечал я, пристально глядя в светло-голубые глаза своего собеседника, пытаюсь найти в них чёрный стилет смерти, подстерегающей всех, кто намеревался раскрыть тайну безумцев, едва не погубивших Инсмут. Но нет, Грант не был моим палачом. Его просто жёг изнутри совершенно естественный интерес к загадочному, необъяснимому, даже пугающему. Ибо то, что отталкивает человека, с той же силой влечёт его к себе, пусть и при помощи подводных течений подсознания.

– Сожалеть тут не о чём, мой друг, – улыбнулся Томас. – Ибо, узнай ты Орден лучше, сейчас я бы не имел удовольствия вести с тобой беседу. По крайней мере, если верить отчётам, последователи оного предпочитают сохранять своё существование в тайне, заставляя замолчать навеки тех, кто знает о них хоть что-то. Впрочем, не всегда стоит верить агентам, закончившим свои дни в психиатрической клинике, ведь так?

– Может, просто нам не дано увидеть полной картины, вот мы и поднимаем на смех тех, кто имел неосторожность получить доступ к зловещим тайнам тёмных уголков нашего мира? – предположил я. – И вообще, Том, что за интерес у тебя к этой кровожадной секте? Бюро уже давно охладело к ней.

– То, что ты обладаешь столь устаревшими сведениями, не делает тебе чести, мой дорогой Клаус, – покачал головой Грант, затушив окурочек в опустевшем бокале, дав понять, что более пить не намерен. – Около недели назад Бюро вновь занялось Орденом. С тех самых пор, как число загадочных исчезновений в городке под названием Соулберри, похожих на те, что имели место в Инсмуте, достигло полусотни. И завтрашнее утро принесёт кому-то участь быть

отправленным в Соулберри с тем, чтобы собрать сведения, необходимые для подтверждения неотвратимости решительных мер в отношении этого рассадника межвидового разврата. Если брать во внимание моё патологическое везение, билет на поезд завтра покупать мне.

– Счастливчик, – с завистью в голосе сказал я. – Для меня желание прекратить существование Ордена с некоторых пор стало сильнейшим в жизни. Я изучил великое множество отчётов по тому, что произошло в Инсмуте, благо мне никто не запрещал это делать в свободные минуты. Но в сам город так и не попал.

– Клаус, я знаю, что твой отец якобы стал жертвой буйства пламени, знаю и о том, что тебе так и не дали увидеть его останки, – я вновь задрожал от того, как много Том знал обо мне для случайного знакомца. – Совершенно не похоже на то, как действует Орден. Впрочем, ты ведь и сам читал, что они делают со своими жертвами?

– Верно. Вынимают кости из тел, превращая в омерзительное желе, к тому же ещё живое. Не знаю, кому принадлежит первое упоминание об этом ритуале, но я склонён всё же считать его психически нездоровым и поставить под сомнение то, что он писал. Ибо невозможно оставить человека без черепа, не переведя его через реку мёртвых.

– Неверие, равно как и слепая вера, не помощник в этом деле, Клаус, – тихо произнёс Грант. – Лишь холодный разум, опирающийся на факты, поможет нам с тобой заставить Орден Дагона раствориться в потоке времени, как щепотка соли растворяется в стакане воды.

– Нам? – удивился я. – Ты либо говоришь лишнее, Том, либо о чём-то умалчиваешь.

– Хорошо, я намеревался брать это дело только при условии, что мне дадут напарника, – Грант поднялся из-за стола и положил на ту его половину, где только что сидел, пятнадцать долларов. – После изучения твоего дела, Клаус, и после нашего с тобой разговора, я не вижу кандидатуры, подходящей для этого больше, чем ты. Тебе я с удовольствием доверю свою спину и свою душу. Так что, до завтра, мой друг, встретимся в Бюро. И будь готов к тому, что твоё заветное желание познакомиться с Орденом ближе осуществится в скором времени, – Томас направился к выходу неспешными шагами человека, только что совершившего великое дело.

– Но Том! – окликнул я его. – Я ведь ещё даже не агент!

– Это досадное недоразумение я возьму на себя, – бросил Грант, даже не обернувшись, и исчез за порогом спикизи. Этим самым он будто бы подвёл черту под моей прежней жизнью, подо всем, что я делал до нашей с ним встречи. И дальше этой черты была пугающая неизвестность, ибо всё, что я читал об Ордене, было всего лишь маленьким светлым пятнышком на огромной чёрной сфере тайны, внутри которой билось сердце этого зловещего культа. По чести говоря, те, что сталкивался с мрачными его служителями, не особенно распространялись о том, какое именно уродство было присуще посвятившим себя Дагону, о том, что такого странного было в речи адептов Ордена. О самом же Отце Дагоне, как называли его древние тексты, не упоминал абсолютно никто. Связано это было, по моему мнению, с тем, что это мифическое божество попросту не существовало. Если же оно обитало бы в мрачных гротах реальности, и было бы столь же ужасно, сколь ужасным описывали его безумные авторы вроде Аль-Хазреда, ни один человек не пережил бы встречи с ним.

Следующий день принёс мне три новости, из которых радостной я мог бы назвать лишь первую. Состояла она в том, что Грант сдержал слово, и по пришествии в Бюро я был уведомлён о том, что более не являюсь стажёром. Оценив по достоинству мои личные и профессиональные качества, руководитель Бюро в Аркхэме, Фредерик Голдблум, наградил меня правом называться действующим агентом Бюро, удостоив при этом беседой в своём уютном кабинете. Обставлен он был так, что возникало чувство, будто ты в гостях у добродушного хозяина, чья милая жёнушка в переднике вот-вот появится с подносом, на котором будут дымиться две чашечки ароматного кофе. Это несколько расслабляло редких посетителей, и я в очередной раз не отказал себе в удовольствии в глубине души восхититься тем, насколько тонким психологом был мистер Голдблум.

– Поздравляю, мой мальчик, – по-отечески тепло сказал он. – Теперь для тебя открыты двери в мир невероятных приключений. И одно из них начнётся скорее, чем ты бы можешь себе представить.

Едва он произнёс эти слова, в кабинете будто бы из ниоткуда появился Томас Грант. Было нечто зловещее в этом его появлении, словно мой вчерашний знакомый представлял некую мистическую силу, обрётшую плоть в нашем грешном мире.

– Итак, Клаус, позволь представить тебе твоего напарника, агента Томаса Гранта, – с одному ему понятным удовлетворением в голосе проговорил Голдблум. – Я искренне надеюсь, что в ближайшие дни он станет для тебя подобием старшего брата, на которого тебе следует равняться.

– Мы уже знакомы, – улыбнулся Грант, заняв кресло, стоявшее по правую руку от стола Голдблума и в точности напротив моего. – Думаю, для тебя уже не секрет, Клаус, что нам с тобой предстоит заняться Орденом Дагона, поднявшим голову в Соулберри. После нескольких лет покоя, этот мрачный культ вновь проливает невинную кровь на алтарь своего нечестивого божества. Один из наших источников в городе, мистер Эдвард Мостоу, некоторое время снабжал нас сведениями о том, как разрозненные последователи Ордена сплывались, но вот уже несколько недель от него нет никаких вестей. Я уверен, что, он был пойман «хромоногими» – такое название адептам культа пришло мне в голову после чтения отчётов о произошедшем в Инсмуте. Если это так, он наверняка уже мёртв, и наш долг перед ним и перед всем родом человеческим сделать так, чтобы смерть его не была напрасной. Я отправлюсь в Соулберри первым, сегодняшним поездом, ты же, Клаус, последуешь за мной в следующую субботу. К тому моменту, если моё везение будет таким же, как и прежде в делах, которые мне доводилось вести, я сумею собрать достаточно сведений для того, чтобы мы с тобой могли принять решение, как действовать дальше.

– Должен ли я понимать это так, что моя роль – быть бессловесным свидетелем твоего триумфа, Том? – заявление Гранта расстроило меня столь сильно, что я где-то в глубине души пожалел о вчерашней с ним встрече.

– Не будет никакого триумфа, мальчик, – Голдблум заговорил со мной таким тоном, каким обычно родитель вразумляет прелестное в своей глупости чадо. – Если культ набрал достаточную силу, действовать нужно решительно и столь же безжалостно, сколь безжалостны «хромоногие», как изволил выразиться агент Грант. Для того чтобы развеять твои иллюзии, Клаус, добавлю, что о вашем визите в Соулберри и тем более о ликвидации там Ордена, если таковая потребуется, обыватель не должен узнать. Инсмут и так накормил газетчиков чудными историями на многие месяцы вперёд. В этот раз никаких военных нам в помощь не дадут, и этим обстоятельством ваша с Томасом задача многократно усложнена. Однако я склоняюсь к тому, что нанести смертельную рану Ордену могут и два человека, если приложат своё действие к правильной точке.

– Этой точкой будет Церковь Ордена, – закончил Грант. – Его сердце, перегоняющее отравленную кровь по венам городка. Наученные опытом Инсмута, адепты культа в Соулберри, похоже, решили использовать в её качестве не городскую часовню, а место иного рода, которое мне и предстоит найти прежде, чем прибудешь ты, Клаус. И прибудешь не с пустыми руками, а с некоторым количеством взрывчатки. Мы взорвём церковь. Что до прочих мелочей, то наши с тобой легенды таковы, что я расследую исчезновение Эдварда Мостоу, а ты приехал погостить у своей тётушки Блюмин и привёз ей сувенир из города. Думаю, редкой красоты ваза из китайского фарфора – то, что нам нужно. В неё ты положишь взрывчатку, а горлышко заткнёшь куском картона, в лавках такое делают часто. По прибытии найди меня по этому адресу, – Томас протянул мне маленький клочок бумаги, который я незамедлительно убрал в свой бумажник, даже не прочитав. – Это дом одного моего знакомого, оставившего Соулберри несколько месяцев назад. Большая удача, что он так и не решился продать своё жилище, и согласился предо-

ставить его в моё распоряжение на ближайшее время. Да, кстати, – в руках Гранта неведомо откуда появился потрёпанный чёрный томик, который он поспешил мне вручить. – Время у тебя будет, потому советую тебе изучить это.

Я прочёл на обложке выведенное замысловатым узором название: «Великие Старейшины». Сей опус принадлежал перу Филиппа Дефоссе, некогда именитого этнографа, в последние годы жизни сместившего фокус своей деятельности в область оккультных тайн. «Великие Старейшины» были его последним трудом, ибо ещё до выхода книги в тираж Дефоссе попал в психиатрическую лечебницу, где и покончил с собой, не вынеся ужаса посещавших его видений. Существовало несколько изданий этого текста. Я имел честь ознакомиться с четвёртым, из коего, по словам людей, порекомендовавших мне «Старейшин», было многое исключено, дабы не вовлечь читающего в лабиринт безумия. Сейчас же я держал в руках первое, редчайшее из редких. Мне было не под силу даже предположить, как к Гранту попал этот бесценный экземпляр, и я решил не задаваться подобными вопросами.

С Томасом мы простились быстро и достаточно холодно для людей, могущих доверить друг другу свои жизни. Время будто бы перешло с неторопливого шага на бег, и события в моей жизни замелькали, подобно кадрам киноплёнки, и мой разум не успевал их осознать. Я совершенно не могу вспомнить в подробностях, как стал обладателем огромной декоративной вазы, стоявшей в кабинете Голдблюма, как получил в своё распоряжение взрывчатку, которой должен был наполнить подарок тётушке Блюмин, как осторожно, стараясь не дышать, готовил свой страшный сюрприз для Ордена. Всё это происходило будто бы во сне, в тусклых красках, словно я наблюдал свою жизнь сквозь серую пелену тумана.

Вернуться в своё собственное сознание мне удалось лишь к ночи, когда я лёг на узкую кровать, едва выдерживавшую мой вес. Не желая сдавать позиции Морфею, я решил ознакомиться с текстом, любезно предоставленным в моё распоряжение моим напарником. Вернее сказать, сравнить его с тем вариантом, что мне доводилось читать ранее.

Я не буду подробно описывать своему случайному читателю содержание сего преисполненного безумия исторического (или псевдоисторического) исследования мрачных уголков мира, в котором человеческий род имел несчастье начать свой век. Отмечу лишь, что разделяю точку зрения Дефоссе, считавшего Старейшин выходцами из космической пустоты, даже в наши дни таящей множество пугающих секретов. Если когда-нибудь человеческая гордыня придаст ему решимости бросить вызов притяжению нашей планеты и познакомиться со звёздами ближе, пусть лишь Бог будет ему судьёй. Ибо нет существа страшнее тех, что притаились в черноте межпланетного пространства. К слову сказать, автор «Великих Старейшин» был в своём мнении не одинок, ибо ещё во времена древности такое же предположение сделал Абдула Аль-Хазред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.